

Анте Наудис

Голубые дали



Анте Наудис

Голубые дали

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48896106

ISBN 9785005093875

Аннотация

Приличный семьянин, работающий на фирме отца жены, обожает своего единственного сына, но страдает от одиночества и чувствует себя несчастным. Какая печаль поселилась в его сердце уже больше 10 лет? Однажды происходит судьбоносная встреча с молодым человеком, чтобы исправить то, что когда-то было упущено. Счастье кажется таким далёким, голубой дымкой призрачных надежд, но, если решительно настроиться, то становишься вершителем своей собственной судьбы.

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Голубые дали

Анте Наудис

Feels Like Heaven

(Fiction Factory)

Heaven is closer now today

The sound is in my ears

I can't believe the things you say

They echo what I fear

Twisting the bones until they snap

I scream but no one knows

You say I'm familiar cold to touch

And then you turn and go

Feels like heaven

See how we planned for saddened eyes

And tears to pave the way

I fought the fever as I knew

My hair returned to grey

Study your face and fade the frame

Too close for comfort now

We can recall the harmony

That lingered but turned sour

Feels like heaven

You wanted all I had to give

See me I feel, see me I live

Feels like heaven (heaven is closer, heaven is closer)

Иллюстратор John Hain

© Анте Наудис, 2019

© John Hain, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-9387-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Роман «Голубые дали» был написан специально для конкурса и выдвинут на Лондонскую премию в 2019 году. Он является продолжением изданного мною романа «Небо над Москвой» в 2010 году. Интернациональный Союз Писателей (ИСП), членом которого я являюсь, посодействовал в том, чтобы этот роман увидели за рубежом – в Лондоне.

В романе освещены проблемы российского общества в отношении людей с гомосексуальной ориентацией. Метания главного героя между долгом, семьёй, карьерой, положением в обществе и истинной любовью.

За этот роман я была награждена именной плакеткой и званием «Лучший писатель 2015—2019 года». Я благодарю Александра Гриценко, Галину Березину, Олега Колесникова и других членов ИСП за признание моих литературных талантов и прекрасную возможность выдвинуть роман на Лондонскую премию. Это принесло мне известность в литературных кругах за рубежом.

Также хочу поблагодарить творческих людей и друзей, которые помогали и поддерживали меня во время написания этого романа – Иван Орехов, Виталий Вечер, Лёша Каширский. Благодарю свою несравненную Музу – Дайви.

Глава 1

Саша разбудил меня, когда я ещё валялся в кровати. Я поднял сонные веки и, посмотрев на него, неожиданно схватил, прижав к себе. Его большие карие глаза – глаза Даши, смотрели на меня с удивлением.

– Что с тобой, папа?

– Наплыв чувств, – сказал я, говоря это каждое воскресенье, когда он заходил к нам в спальню.

Сын часто не понимал меня, ведь в 10 лет понять взрослого мужчину очень сложно. Я встал, запахнул в большой махровый халат и подошел к трюмо, что стояло в спальне. Взглянув на своё отражение, почувствовал себя безмерно счастливым.

Даша ещё спала. Между нами уже давно не было близости, но это нисколько меня не волновало, я был спокоен, думая о предстоящих делах. В отражении зеркала я увидел, как она вылезла из-под одеяла и потянулась.

– Папа, куда мы сегодня пойдем? – спросил Саша.

– Дедушка устраивает Мотто-выставку, там будет показ интересных мотоциклов и скутеров, – ответил я. – Так что сегодня будет хороший день.

Светлый ковер, где нога утопала по щиколотку, разноцветные фото-обои, мебель из красного дуба, все это окружавшее теперь меня, радовало глаз и поднимало моё настро-

ение. Мы с Дашей всё время покупали что-то новое, чтобы радость не переставала бить из наших глаз, а рождение Саши послужило тому, чтобы тесть подарил нам этот дом на Рублёвке. Я сам выбирал тогда понравившейся коттедж, и он по праву принадлежал мне, когда я внёс за него пол стоимости, а потом за несколько лет выплатил остальное.

Я вспомнил, как мы были у нотариуса, когда заключали эту сделку, и его странный взгляд, когда он понял на чьи деньги я приобретаю недвижимость. Во взгляде нотариуса было еле уловимое презрение. Когда он посмотрел на меня, а потом перевёл взгляд на Дашу, мою жену, презрение сменилось похотью. Этого всего никто никогда и не заметил бы, но всегда замечал такие детали, так как женился на дочери богатого человека в Москве.

Саша притронулся к рукаву моего халата, который я купил в французском бутике. Это был мой любимый домашний халат, мягко располагающий и дарящий уют моему упитанному телу.

– Ты обещал, что мы будем каждое воскресенье развлекаться. Когда мы пойдем на Мотто-выставку?

– Знаешь, нам надо это обсудить за чашечкой кофе, – сказал я и отправился с сыном на кухню.

Центральное отопление и полы с подогревом делали своё дело, в доме было жарко, отчего я сбросил махровый халат и облачился в шёлковый, тоже купленный в этом же бутике.

– Маме тоже кофе сделаем, она уже встаёт! – крикнул я,

спускаясь по широкой лестнице, ведущей вниз.

Саша смотрел, как я наполняю электро-чайник водой из графина. Его задумчивые карие глаза впивались в мои движения. Я всегда чувствовал какую-то вину по отношению к сыну. Каждое воскресенье он остро нуждался во мне, а я не знал, что для этого нужно сделать.

Дубовый стол с четырьмя красными стульями, больше напоминал бар, а не обычную кухню, мне всегда было здесь не уютно.

Сделав три кружки кофе, я присел на стул и закурил. Саша посмотрел на меня с укором.

– Курить натошак, папа?

– Я могу и похуже...

– Что?

– Выпить натошак.

Сын молча поднялся и, достав из холодильника сливки, принялся лить их себе в чашку. Я подумал о том, что, наверное, выгляжу в его глазах полным дураком. Разве можно так разговаривать с 10-летним сыном, который берёт с меня пример?

Но, вдруг, я поднялся и, вопреки всему, сделал нечто невероятное. Открыв холодильник, достал оттуда бутылку коньяка и, налив рюмку, выпил залпом. Мне захотелось, чтобы эта неуютная кухня, похожая на бар, вдруг превратилась в мою родительскую кухню в Белоруссии, где я жил много лет назад. Прошлое не вернуть, мне уже 37 лет, у меня жена

и сын, а также избыточный вес, с которым я никак не могу справиться.

– Я позавтракал, – сказал Саша и встал из-за стола. – Пойду на улицу, да?

– Удачи, – почему-то сказал я и посмотрел на бутылку коньяка, почувствовав угрызение совести. В душе я жалел Сашу, ведь ему предстояла нелегкая жизнь, которую он только начинает.

Неожиданно я вспомнил, что Даша пила только зелёный чай, да еще с лимоном, а потому принялся наспех заваривать «Ахмат» и нарезать ломтиками лимон. Теперь мы и навещавшие нас родители Даши пили чай и кофе без сахара, и даже не держали его дома, так как всё это было направлено на то, чтобы заставить меня похудеть. Но в маленьком шкафчике я всегда прятал коробку рафинада и пару плиток шоколада.

Когда Саша ушел, я осторожно достал из коробки пять кусков сахара и кинул себе в кофе. Размешав, быстро выпил и, ополоснув чашку, поставил её на место. Настроение заметно поднялось, отчего я решил подать завтрак Даше прямо в постель.

Заходя в спальню, я застал жену, расчесывающую свои каштановые волосы у трюмо.

Мы супружеская пара Андрей Анатольевич и Дарья Савельевна Ханеня, никогда не думали о втором ребенке, так как Саши нам вполне хватало. Но моя теща Алла Дмитриевна

и тесть Савелий Маркович Белых всегда убеждали нас, что один ребенок – это очень мало для такой семьи как наша. На этой почве часто происходили разногласия и ссоры.

Даша отхлебнула чаю и, поставив чашку на серебряный поднос, надула губы.

– Мама вчера опять намекала на второго ребёнка.

– Надо подумать, – ответил я.

– Подумать? Чтобы у тебя было лишнее время таскаться с этой шлюхой Анной Кузнецовой?

– Она совершенно не в моем вкусе.

Даша достала сигареты из кармана халата и закурила прямо в спальне.

– Посмотрим, – произнесла сквозь дым тонкой сигареты. – Папа её уволил по моей просьбе, так что она покинула Москву, надеюсь навсегда.

Во мне поднималось что-то похожее на ненависть, Даша всё время держала надо мной верх, и сейчас, сложив свои надутые губы в усмешку, курила проникающие ментоловые сигареты прямо в спальне, зная, что это задевает меня. Посмей я спутаться хоть с одной женщиной, она могла стереть меня в порошок с помощью своего папочки и моего так называемого любимого тестя, но меня это не интересовало.

Я посмотрел сверху на её грудь, торчавшую из халатика, немного улыбнувшись.

– Прекрати пялиться, – она затянулась сигаретой.

– Я в душ.

– Давай.

– У нас впереди много времени, – произнес я и захлопнул за собой дверь.

Шагая по коридору второго этажа, я услышал её звонкий смех.

Прогуливаясь по огромному саду, прилегающему к нашему дому, я улыбался сам себе. Здесь было большое количество цветов и было спокойно и достаточно тихо. Этот сад я создал сам, завозя фургонам землю, чернозём и удобрение. Это был мой собственный сад, которым я дорожил и в тени раскидистых деревьев которого чувствовал себя настоящим. Это было единственное место, где я мог прогуливаться и чувствовать себя просто Андреем. Здесь росли цветы разных видов и сортов, и они были моей гордостью. Я любил цветы и выращивал их из семян и луковиц, записывая в дневник какие и в какой время посадил.

Вот гладиолусы, яркие розово-красные лепестки, ползущие по шершавому стеблю, а это тюльпаны разных цветов – белые, жёлтые, розовые, красные – играют на солнце разноцветьем. А там хризантемы, у них приятный запах, приносящий мне воспоминания из детства, моя мать очень любила садовые розовые астры. А на углу астры, яркие и такие непосредственные. Я поднял глаза к горизонту, соединяющим солнце с краем цветочного сада, чтобы восхититься цветочным великолепием созданным Богом.

Особняк Дашиных родителей был расположен к северу

от шоссе и краешек его высокой крыши виднелся на горизонте. Мне доставляло удовольствие смотреть на него, осознавая, что моя тёща из аристократического и благородного рода Белых, и в крови моего сына течёт её кровь. Их древний богатый род начал постепенно вырождаться, после того как 12 лет назад умер их сын. Теперь Даша была единственной наследницей большого состояния.

Я стал рассматривать цветы, чтобы стряхнуть уныние, внезапно навалившееся на меня. Настроение стало заметно портиться, и я решил сжечь старый мусор, устроив костер прямо в саду. Помимо него, мне хотелось сжечь то, что так ужасно давило, всё приобретенное материальное благо, которые накапливалось нами в течение 10 лет. Из года в год вещей у нас становилось все больше и больше, и сегодня мне, вдруг, захотелось начать новую жизнь и сжечь всё барахло.

Ко мне подошел Саша.

– Папа, а когда мы поедem на Мотто-выставку? – спросил он. Волосы у него были взъерошены, а на губах блуждала странная усмешка. Эту усмешку теперь я видел постоянно, это началось с тех пор, как он пошел в 4-ый класс. Усмешку можно было назвать непроницаемой или загадочной, но у меня было своё собственное представление на этот счёт. С такой усмешкой дети манипулируют взрослыми, и он это отлично делал.

– Мне нужно поработать в саду, сжечь старый мусор и сухие ветки, а ещё полить вон те прекрасные хризантемы. Зна-

ешь, как они называются? Это розовая хризантема Амалфи, она так чудесно пахнет.

Сын улыбнулся.

– Ступай к маме, спроси, может, она не занята? – сказал я и слегка толкнул его.

Он вздрогнул и скорчил гримасу, а когда я дотронулся до него, то не сдвинулся с места.

– Я не пойду.

– Почему?

– Потому что мама занята.

И он скрылся в доме, а мне стало немного не по себе. Этот его прямой точёный нос – не мой, а Дашин, и эти длинные ресницы, и карие глаза, скорее бабушкины, вскоре потеряют свою красоту, когда в нём проснутся мои гены. Все утверждают, что он копия меня, если не брать в расчет внешность. Но мне всегда казалось, что в нём совершенно нет ничего моего.

«Ты слишком балуешь своего сына, – говорила Даша, но я совершенно этого не чувствовал»

Как-то Валентин Дах мне рассказывал о своём детстве, его отец никогда не показывал свои нежные чувства к детям. Мне вдруг вспомнились его слова: «Если у тебя будут дети, то люби их также сильно, как меня». Эти слова было приятно вспоминать, они грели душу, а потому я решил сегодня же отправиться с сыном на Мотто-выставку.

В это утро солнце освещало красивые фигуры женщин

в цветастых открытых платьях. Мы вышли из машины и направились в широкий холл. Я увидел человека и мне показалось что-то знакомое в его лице. Нет, конечно же я обознался, подумав, что это брат Валентина. Мне часто мерещилась его долговязая фигура и злые чёрные глаза, когда я оказывался в людных и незнакомых местах.

В большом зале мы сели на деревянные скамейки, где проходило шоу мотоциклистов, показывающих странные выверенные трюки. Мальчик, что сидел позади нас, стукнул Сашу в спину, когда тормоза разноцветного мотоцикла взвизгнули. На эмоциях Саша повернулся к нему и ударил его в плечо.

– Дурак! – выругался мальчик.

Я повернулся и увидел его отца, который поджав губы, не знал что ответить. Я улыбнулся ему извиняющее и коснулся плеча Саши, давая понять, чтобы он перестал вертеться. Молодого отца вредного мальчика я никогда раньше не видел, но почему-то его растерянность произвела на меня странное впечатление и захотелось повернуться ещё раз, и уже попросить прощения за своего сына, хотя, по сути, виноват был его отпрыск.

Станный спокойный взгляд с растерянной улыбкой на губах, я не решался оглянуться еще раз, хотя мальчишки продолжали друг друга задевать и крутиться. Мне казалось, что все наблюдают за мной, и каждое моё действие фиксируется. Я увидел Савелия Марковича Белых и его супругу Ал-

лу Дмитриевну в специальной беседе для президента компании «In Town Experiential Marketing», и внезапно почувствовал, как ненависть и страх сковал моё горло.

Моя теща была очень стервозной женщиной, она могла говорить в лицо всякие неприятные вещи и ни один мускул не вздрагивал на её гневной гримасе. Часто в присутствии меня, она рассуждала о приезжих, мигрантах и прочих личностях, понаехавших, которые занимались погоней за приданным и легкими деньгами, промышляли грязными делами и совращали студенток. О том, как люди из низов быстро оказываются в верхах, но не умеют себя достойно вести и держаться в обществе. Мне было неприятно всё это слышать, а она, видя, как меняется моё лицо, переходила на тему Саши, что он, слава Богу, научился правильно говорить, писать без ошибок и ходит в элитную школу. И это было самым подлым, что от неё было можно ожидать.

Когда шоу закончилось, мы перешли в холл выставки мотоциклов и я, отбросив мысли о теще, вдруг захотел вспомнить лицо молодого человека, сидевшего позади меня. Вероятно, ему лет 25, тогда тот мальчик мог быть ему племянником, а не сыном. Серо-голубые глаза, русые волосы, очерченный подбородок, в общем – ничего особенного.

Мы долго ходили по выставке, рассматривая мотоциклы, пока нечаянно не встретились с молодым человеком. Я подошёл сбоку и набрался мужества взглянуть на него. Наверное, май странно на меня действовал, да и сегодняшнее вос-

кресенье было каким-то необычным. Возле меня стояли другие парни и мужчины постарше, он сливался с ними, и казалось, ничем не выделялся, но вдруг он повернул голову, и мы встретились взглядами. Его взгляд был точно таким же, каким я увидел его впервые тогда, обернувшись на деревянной скамейке: растерянная улыбка и любопытные глаза. Я схватил за руку Сашу и сказал:

– Пойдем, нужно уже идти.

Не зачем думать об этом странном взгляде, не похожем на другие, пусть он просто останется глазами, которые я случайно запомнил, так как обратил внимания, только и всего. Нужно было трезво смотреть на вещи, ведь я женатый человек и у меня 10-летний сын.

Наблюдая, как парень свернул к мотоциклам байкеров и исчез за огромным стендом, я внезапно ощутил, что я сильно постарел за последние годы, и мне невыносимо захотелось выпить.

Глава 2

Я слушал, как Белых барабанит пальцами по дубовому столу у меня за спиной, когда стоял и смотрел на город из окна высотки компании «In Town Experiential Marketing». Москва раскинулась прозрачными стеклянными окнами и цветными крышами причудливых зданий и домов. Она казалась такой крошечной, словно игрушечной и мне захотелось взять её к себе на ладонь. Услышав, как щёлкнула зажигалка, я оторвался от мыслей.

– Что ты впялился в это окно, повернись, – сказал тесть закулив.

Я обернулся и посмотрел ему в лицо. Если бы я был на его месте и был бы президентом этой компании, он бы вёл себя по-другому, но позиции были иными и он позволял себе дерзить.

Раньше, ещё в самом начале моей службы, я делал всякие попытки обсуждения различных вопросов по нововведениям в компании, но потом оставил их, ведь принимал решения всегда он, никогда не прислушиваясь ко мне. Часто обрушивался с упрёками и называл меня выскочкой, самозванцем и жалким типом. Это происходило именно тогда, когда я пытался высказать собственное мнение. Я проглатывал оскорбления и замыкался в себе, постепенно теряя природный энтузиазм. Сейчас я молча смотрел на него и ждал,

что он в очередной раз скажет.

– Ты должен поехать в командировку, в Петербург. Предстоят важные переговоры, и я поручаю их тебе, – сказал Белых.

– Вы уверены, что это должен сделать я?

– Не уверен, но это сделаешь именно ты. Ты ведь не занимаешься линией сбыта, только сертификацией, а пора бы уже научиться.

– Это не моя специализация.

– Да, конечно, ты же у нас большой начальник! – он развел руками.

– Ваш заместитель, – поправил я мягко.

– Я понимаю, – продолжал Белых, как будто меня не слыша. – Но Вернадский почему-то пожелал вести переговоры именно с тобой, я сам удивился, зачем ему такой незначительный человек компании?

Вероятно, он понял по выражению моего лица, что задел меня, а потому решил смягчиться.

– Ты ведь встречался с ним один раз? Наверное, ему понравились твои шутки. Это крупный заказчик, и мы не должны его упустить. Ты работаешь у нас 10 лет, так что, думаю, справишься, поезжай.

Я присел на кожаную скамейку в его кабинете, она предназначалась для гостей, а не для служащих фирмы, и глубоко задумался. Красивый письменный стол и открытый ноутбук последней модели производили впечатление, осмотрев их, я

представил, как за этим столом сижу я и мне стало немного легче, лёгкая обида на поведение тестя быстро улетучилась.

Внезапно Белых выскочил из-за стола и подошел ко мне.

– Ты поедешь в Петербург?

– Да, – механически ответил я.

В 16 часов, когда я возвращался домой, выпитое спиртное вызвало у меня головную боль, и я пожалел, что уступил тестю и согласился на эту поездку. Ведь этим Даша будет не довольна, а потому предстоит ещё целая неделя непрекращающихся скандалов с её стороны.

Когда я ехал по Садовому кольцу, несмотря ни на что настроение поднималось. Вид Москвы всегда радовал мои глаза, но воздух здесь был загазованным, в отличие от Рублевки, где жил я. Я нажал на скорость и «Лексус» мягко пошёл вверх по аккуратной дороге. На выезде из Москвы я притормозил и открыл окно, чтобы вдохнуть свежий воздух. Я проезжал тот небольшой кусок шоссе, где оно шло краем лиственного леса. Закурив сигарету, я подумал, а были ли в моей жизни такие люди, которые не управляли бы моей судьбой?

После обеда я сказал Даше о предстоящей командировке в Петербург. На меня вылился такой поток всяческих бранных речей и весь мой запас мужества куда-то улетучился. Мне не очень-то хотелось проявлять себя и, в очередной раз, доказывать ей, что я мужчина, а потому я сделался равнодушным. Хотелось просто сидеть и спокойно пить свой кофе с сахаром или с шоколадом, жаль, что приходилось всё

прятать по шкафчикам. Комната, в которой я сейчас сидел, показывала мне, чего я достиг за 10 лет. Это был шикарный ламинат, солидный гарнитур и неповторимые подвесные потолки. Именно о такой комнате я когда-то мечтал в юности, и вот теперь мечта стала явью, и я окружён роскошью. Цветные тяжёлые портьеры, кремово-золотые обои, кофейный столик, а в стену вмонтирован огромный экран телевизора «SONY». А ещё мне очень нравилась люстра, это была шикарная люстра из Дома «Гранд», переливающаяся всеми оттенками солнца.

Я подошел к бару и налил себе коньяку, хотелось заглушить мысли о Валентине... Я помню, что они всегда спорили с братом, где должен стоять телевизор, а где диван. Эта была единственная комната в моём доме, которую я обставил вопреки Дашиным советам. Я разместил мебель так, как хотел бы Валентин. Это была комната Валентина, но он никогда об этом не узнает. И никто никогда об этом не узнает, потому как не было на свете человека, которому я мог бы это рассказать. Только коньяк мог понять мои мысли.

– Мог бы и мне налить, – сказала Даша, входя в комнату. – Почему ты сидишь здесь, а не в гостиной?

От неожиданности я перевернул свою рюмку, и коньяк разлился на кофейный столик.

– Чуть-чуть налей мне, – сказала она, будто не замечая. – Не хочу, чтобы завтра у меня болела голова.

Я молча налил ей, как она и просила.

– Чего ты молчишь?

– Я думал о том, какая ты красивая сегодня в новом платье.

Я не обманывал, перламутровое платье действительно хорошо сидело на её стройной фигурке. Даша была очаровательная женщина с темно-каштановыми волосами и соблазнительными манерами. Она закинула ногу за ногу и моему взору открылись прекрасные ножки и сексуальные колени. Я наклонился и поцеловал сначала одно колено, а затем другое.

– Вау!

Я залез рукой под платье, но она мягко отвела мою руку. Щёки ее порозовели, она встала, а я почувствовал прилив нежности, но сексуальное желание напрочь отсутствовало. Я часто подогревал его в себе, воображая, что она замужем не за мной, а за Максимом Пилецким, и тогда ярости моей не было предела – мог заниматься любовью очень долго.

Я направился к бару, чтобы налить себе еще коньяку.

– И еще хотел сказать тебе, что всё же придется мне поехать в Петербург по делам компании...

– Я уже позвала в гости наших друзей. У них трое детей! Ты эгоист!

– Извини, милая, я не эгоист, просто твой отец...

– У тебя что нет собственного мнения?

– Есть, но мне нужно зарабатывать деньги. Обещаю, привезу тебе подарок.

Мне хотелось её утешить, чтобы избежать скандала, и я положил одну руку на колено, а второй стал поспешно расстегивать пуговицы на платье.

Запирая дверь, я выключил свет, услышав шуршание падающего платья на пол.

– Давай, – произнесла Даша томным голосом, ложась на диван.

После того как все закончилось, я поспешно оделся и вышел из комнаты, оставив её одну. Направляясь в душ, я остановился возле большого зеркала и взглянул на себя в полный рост. Мне не понравилось моё отражение, волосы значительно поредели и были растрёпаны, придавая мне смешной вид, лицо уже начинало заплывать жиром, появился второй подбородок. Я постарался улыбнуться, но получился лишь оскал.

Жизнь в России не всегда бывает такой, какой многие хотят её видеть. Те, кто, когда-то сюда приехал, чтобы покорить один из городов этой большой страны, понимают, что судьба складывается странным образом, и начинаешь понимать, что здесь не человек выбирает судьбу, а она выбирает человека. Все города разные, и у каждого города своя история и своя судьба, которая пропитывает пространство, и город принимая новых людей прошивает их своей вековой судьбой. Так случилось и со мной, когда примерно лет 12 назад я приехал в Москву полный надежд и планов.

Я не знал точно кем хочу быть, моё бухгалтерское образо-

вание привело меня в маленькую фирму, которая за несколько лет выросла до грандиозных размеров. Работа хоть и стояла для меня на первом месте, но я всегда отдавал себе отчет в том, что моё дело формирует, как моё личное счастье, так и мой последующий успех. Я был уверен, что прилагая усилия, в скором времени, выйду на другой уровень жизни, однако есть такая непонятная разуму вещь – социальный статус и его с помощью работы не так просто взять. В Москве это очень ощутимо. Тогда-то я и решил пойти другими путями, будучи человеком, который всегда ставит себе цели. Судьба словно вела меня по дороге, предназначенной только для меня одного. Иногда создавалось впечатление, что для меня в Москве уже всё прописано, и кем я сейчас являюсь составляющая моей истинной жизни, только счастливым я себя не чувствовал.

Есть некоторые вещи, которые не совместимы, и которые мне, в свое время, не удалось совместить в этом городе взлётов, падений и страстей. Будучи человеком результата, каждая новая цель приносила мне желанную победу и возводила на ступень большой лестницы удачи. Казалось, за головокружительной высотой, я не видел ничего кроме этих самых желанных ступеней и самой лестницы вверх. Будто упустил нечто ценное и важное. Но и тот, кто был приставлен ко мне, то ли Ангел-Хранитель, то ли сам Бог, подбрасывающие время от времени иные варианты Судьбы, внезапно посчитал, что моё головокружение слишком чревато для меня и активиро-

вали персонажа моей киноленты, который с самого начала был никем иным, как человеком, который просто помогает мне взбираться на очередную ступень. Не все люди вписываются в программу жизни и, порой, призваны для того, чтобы провоцировать на ошибки, но эти ошибки делаю нас живыми, срывают с глаз шоры, через которые мы, словно бешеные лошади, несёмся в карьер, который рано или поздно оказывается на пути, потому что не бывает только хороших дорог в Судьбе, как и в России.

Передо мной стоял выбор, пожалуй, это был самый главный выбор: цель или остановка. Остановка, после которой идти нужно будет не вверх а прямо, но уже без карьера и пропасти. Я не воспользовался своим правом на выбор, тем самым полностью решив свою прописанную кем-то судьбу.

Глава 3

Я сидел в дорогом ресторане Петербурга и гнул свою линию Вернадскому Михаилу Романовичу. У меня начинала болеть голова и появляться ноющая боль в области солнечного сплетения. Посмотрев на танцующих девушек на красочной широкой сцене, мне вдруг стало всё равно, получит ли «In Town Experiential Marketing» этого заказчика или нет, я словно отошёл в сторону безразличия.

Потягивая коньяк, Вернадский сказал:

– Вы устали?

– Да.

– Тогда стоит расходиться.

– Я тоже так думаю.

– Завтра у нас очередная встреча. Не забыли, что ваш тесть прислал вас сюда и всё это оплачивается с его кармана?

– Не забыл, и очень жду завтрашней встречи.

– Я пришлю за вами своего водителя.

– Договорились.

– В общем, обсудим всё завтра, когда посмотрим проект договора, – он встал и внимательно посмотрел на меня. – Спасибо за превосходный обед, я вызову вам такси.

Когда я поднялся к себе в номер, то почувствовал облегчение. Сняв ботинки, галстук и расстегнув воротник рубашки, я прилёг на пахнущую лавандой постель. Мой мобиль-

ный телефон пискнул, и я увидел смс сообщение от Анны Кузнецовой. Она писала о том, что знает, что я сейчас в Петербурге и по этому поводу приглашает на вечеринку к себе в гости. Мне оставалось её только перезвонить.

Я поднялся и быстро направился в душ. Холодная вода взбодрила тело, дав почувствовать полное блаженство. Надевая чистое белье, я понял, что мне не о чем жалеть, ведь я отошёл в тень безразличия. Достав новую рубашку, которую купил сегодня утром в бутике «Babochka» на Невском, я почувствовал удовлетворение. Это была рубашка цвета кофе с молоком, к ней имелся яркий галстук, который я купил во Франции в прошлом году, когда мы ездили с семьей отдыхать. Это галстук стоил очень дорого, и когда Даша узнала о его цене, она устроила мне скандал, а потому я до сегодняшнего момента его никогда не надевал, пряча в дальнем ящике шкафа.

Сейчас, в этих обновках я не чувствовал себя женатым сотрудником фирмы, и Москва совершенно не давила на меня, в голове не было ни тревог, ни ответственности, я был свободен на сегодняшний вечер и меня волновал Петербург с его отстранённостью.

«Когда-нибудь, я обязательно буду здесь жить, – подумал я, а после ко мне пришла другая мысль, – а может это просто бегство от себя самого?»

Глядя на своё отражение в большом зеркале, я старательно укладывал волосы гелем.

Когда все было сделано, я, улыбнувшись своему отражению, произнес:

– Привет, дорогая. А как ты узнала, что я в Петербурге? Я как раз свободен на сегодняшний вечер!

Вдруг улыбка сошла с моего лица, когда я подумал о том, что вовсе не заинтересован в Анне, чего не скажешь о ней, она всегда была ко мне не равнодушна.

Выходя из отеля, я шагал, впитывая тёплый воздух Петербурга. Мне хотелось прогуляться подольше перед встречей, но, увидев таксиста, я махнул ему рукой.

Садясь в машину, я представил, что, когда Белых умрёт, может тогда я достойно займу его место? Но ведь он любит своего внука больше, чем меня, а это значит, что всё передаст Саше. Мое положение в этой семье было совершенно не уникальным, и от этой мысли у меня снова зануло в солнечном сплетении. Я вспомнил сына, он был ещё так мал, но уже такой взрослый.

Наконец, такси остановилось возле дома Анны, и я встряхнулся.

– Какой вам дом нужен? – спросил таксист.

– Мне здесь, – ответил я и расплатился.

Нажав кнопку домофона, я проговорил:

– Анна Кузнецова дома?

Дверь открылась, и я вошел в чистенький подъезд. Анна вышла ко мне на встречу и театрально обняла.

– Нашёл всё-таки?

– Да.

– Как тебе мое новое платье?

– От Версаче, – сказал я.

– Высоко оценил, но от Юдашкина, – она улыбнулась, проведя руками по бёдрам розового платья.

Я обнял её за талию и почувствовал себя на 10 лет моложе. Сегодня с самого утра только и занимался тем, что угождал богатому старикашке, просматривал уйму спецификаций, так что глаза болели, но теперь я свободен и я знаю, что хочу расслабиться в компании этой легкомысленной женщины.

Когда мы вошли в её квартиру, то там играла музыка, и было много гостей. Все были молодые, и мне показалось, что я самый старший.

– Что будешь пить? – спросила Анна.

– То, что не пьют москвичи, но пьют питерцы – коньяк.

К нам подошел молодой мужчина.

– О, Андрей Анатольевич. А я вас знаю, но вы меня нет. Вы разъезжаете по Москве в красивом белом «Лексусе» и работаете в «In Town Experiential Marketing», я тоже там работал, пока меня не уволили вместе с Анной, моей обожаемой подругой.

– Не припомню вас.

– Он работал в отделе рекламы, – сказала Анна. – Там, где и я работала. Нас уволили по распоряжению Савелия Марковича. На наше место взяли двух новых сотрудников.

Я поморщился, а молодой человек ушёл, видя моё неприветливое лицо.

– Не морщись, тебе это не идет, – усмехнулась Анна.

– Что это за наглец?

– Ты реально его не знаешь?

– Ну, может в компании встречались, а что?

– Это Сергей Костин, и Даша ничего тебе о нём не рассказывала? – она лукаво щурила накрашенные глаза.

– Нет...

– Это старая история... и сейчас уже не актуальна.

Тут я вспомнил, что видел его, и, кажется, он нравился Даше, но потом внезапно уехал из Москвы. Странно, может, его выжила Алла Дмитриевна?

– Между ними что-то было? – спросил я и вспомнил, как 10 лет назад разговаривал с Дашей, когда ещё не был на ней женат. Как она кинула мне в лицо, что Максим Пилецкий в сто раз более мужественней, чем я, и она жалеет, что выбрала в мужья меня, а не его. Про Костина она никогда не говорила, и я напряженно рылся в памяти, пытаюсь вспомнить хоть что-то про него, но так и не вспомнил.

– Ладно, забудь, – сказала Анна. – Это мой друг. Кстати, как тебе моя квартирка?

– Здесь классно.

– Это квартира студия, тут мы песни записываем с ребятами.

Вдруг меня охватило разочарование, когда я посмотрел

на себя со стороны. Я, весь такой унылый и немного напыщенный, сидел на одной из вечеринок в Петербурге среди богемных людей, но не испытывал никакой радости. Краем глаза я увидел, как Костин поглаживал плечо какой-то хорошенькой девушки, злорадно поглядывая на меня. Стало противно, и я отвернулся.

– Давай выпьем, – предложила Анна, тронув меня за рукав. – Потом я познакомлю тебя с другими гостями.

Три часа я развлекался, не успевая запоминать имена гостей, а когда начались танцы, меня ухватила какая-то брюнетка, потащив танцевать на индийский ковер. В огромном зале было много звуков: шум бокалов, голоса, музыка, они кружили мою голову похлеще коньяка. После танцев я направился к столу, чтобы выпить ещё, и мне показалось, что я пьян, а завтра предстояла важная встреча с Вернадским. Рыжеволосая девушка, стоявшая возле столика, улыбнулась и в ответ я подмигнул. Она была очень молода для меня, а потому я переключился на блондинку постарше, возле огромного экрана. Анна подошла ко мне сзади, приобняв за плечи.

– А может, попьем кофе?

– Давай.

– Как я выгляжу?

– Великолепно, – сказал я, не обращая внимания на размазанную помаду.

Мы прошли на кухню, и она принялась заваривать кофе.

– Ты очень красива, – сказал я.

Она посмотрела мне в лицо, и, поддаваясь внезапному порыву, вдруг поцеловала меня в губы коротким поцелуем.

– Жаль, что больше ты ничего не сделаешь. Загляни в мои глаза и ты увидишь там желание, – сказала она томно.

Вдруг я вспомнил странный взгляд, который видел на мотто-выставке в прошлое воскресенье. Передо мной было сейчас красивое личико Анны, но мысленно я вдруг увидел другое лицо.

– Лишь бы Даша не узнала, – произнес я шёпотом.

– Все эти дела компании – это просто бред, и они тебя очень измотали, – её рука скользнула ко мне под рубашку, она порывисто сказала. – Я все время думаю о тебе, и только о тебе...

Я отстранился:

– Нас могут заметить. Давай покурим.

На кухню вошла рыжеволосая малолетка. Улыбнувшись хитрой улыбкой, она сказала:

– Я только бокалы возьму.

– А мы кофе пьем, – сказа сухо Анна.

– Конечно, конечно... – произнесла рыжеволосая и схватила два бокала.

Уходя, она обернулась на меня.

– Вы симпатичный мужчина и вы подходите Анне, так что пейте свой кофе.

Мы рассмеялись.

– Какой ты хочешь подарок от меня получить? – спросил я.

– Духи, – ответила она, взяв меня за руку.

– У меня хороший вкус, я знаю, какие духи я тебе подарю. Мы стояли минуту, пока чайник не закипел. Анна заваривала кофе.

– Жаль, что только духи, я бы хотела большего, – шептали её губы.

– Давай в следующий раз...

– Единоличник.

Домой я вернулся в три часа ночи на такси, категорически отказавшись остаться у Анны.

Рано утром мне позвонил тесть и сообщил, что я просто молодец, Вернадский ответил ему, что согласился на проект. Он что-то радостно кричал в трубку, а я думал о том, что у нас с Анной все идёт хорошо, но, когда дело доходит до последнего момента, я вдруг понимаю, что не хочу её. Она так долго меня добивалась и, возможно, обиделась, что ничего не вышло.

– Так что тебе можно не встречаться с Михаилом Романовичем, он всё уже решил, – сказал Белых в трубку. – Сегодня же приезжай в Москву.

– Да... – рассеянно согласился я.

В поезде, я все время дремал, закрывшись в купе. Мне снова вспомнилась Анна. Возможно, она воспринимает меня слишком серьезно. У неё будет ещё много богатых муж-

чин, ведь она очень красива. Мне вдруг стало все равно, в Москву я возвращался служащим компании, и за душой у меня не было греха, а это самое главное.

На вокзале меня никто не встретил, и я подумал, что мой тесть делал так всегда, даже не присылая за мной машины из деловых поездок, как будто я был рядовым бухгалтером. Махнув рукой такси, задумался, и оно проехало мимо. Неожиданно я увидел худощавую фигуру, узнав ней Антона Петрова, моего давнего друга, которого не видел уже много лет.

– Андрей? – спросил он, всматриваясь в моё лицо..

Он был в вельветовой рубашке, заправленной в широкие брюки такого же цвета, мутно- синего, модно называющегося в Москве «Индиго». Всё такой же стройный, будто мы виделись ещё вчера.

Свернув с дороги, мы молча направились в близлежащее кафе, где заказали паршивый кофе, ведь хотелось нейтральной обстановки, чтобы ничего не напоминало о прошлом.

– Ты изменился, но не сильно, – сказал Антон, отпив из пластмассового стаканчика.

– В душе я прежний.

– Ты не можешь забыть его? – спросил он тихо, и мои глаза увлажнились.

Я всегда был немного сентиментальным и ненавидел себя за эту слабость.

– Я не думаю о нём.

– Хочешь, выпьем что-нибудь покрепче?

– Нет, меня ждёт Даша, она не любит, когда я пьян.

Я бежал не от него, я бежал от прошлого, которое настигало меня в образе Антона. Вся его одежда, манеры, весь образ заставлял всплывать тем воспоминаниям, которые я не хотел пускать в свою жизнь не под каким предлогом.

В такси я вдруг вспомнил, что Белых велел мне после командировки сразу же приехать к нему прямо на работу. Я сказал шоферу развернуть такси, пришлось забыть о тёплой ванне и постели.

Глава 4

Заходя в кабинет, я чувствовал, что выгляжу усталым и попробовал улыбнуться, чтобы этого было не заметно. В кабинете Белых был не один.

– О, Андрей Анатольевич! – воскликнул он, поднимаясь с огромного кожаного кресла. – Ты как раз вовремя. Познакомься это Никита Ходченков, наш недавний сотрудник из отдела рекламы, пишет о наших образцах неплохие статьи.

Молодой человек повернулся, чтобы пожать мне руку.

– А это Андрей Анатольевич Ханеня, он мой заместитель.

Я протянул руку и тот час вспомнил это лицо. Это был именно тот человек со странным взглядом, которого я видел на Мотто-выставке. Теперь я уже мог как следует разглядеть интересные черты, передо мной было интеллектуальное лицо, совершенно не похожее на все остальные лица, которые я встречал за 10 лет. Я держал его ладонь в своей, и не мог отпустить. Улыбка не сползала с моего лица, а рука стала неотделимой частью его руки.

– Это мой тесть, – почему-то сказал я.

– Да, – подтвердил Белых. – Но в компании мы стараемся не обращать на это внимание. Никита, вы можете быть свободны, у нас с моим замом есть много дел относительно поездки, а с вами мы поговорим позже.

– Спасибо, – сказал Никита. – И приятно было познакомиться, Андрей Анатольевич.

Он вышел, а я ещё долго смотрел на дверь.

– Ты в порядке?

Я удивился такой учтивости Белых, и мне вдруг показалось, что, когда он умрет, может я и стану наследником, а не Саша и, друг, представил себе эту картину. Затем переключился на другую: Саша становится алчным молодым человеком, у которого только деньги на уме и управление компанией, а Даша жестокая и холодная, как её мамаша, она растолстела и стала невротичкой как эти женщины, пишущие о диетах. Конечно, я получил от жизни всё, что хотел, но почему я все время чувствую себя несчастным?

– Что вы хотели обсудить? – спросил я тестя.

– То, что ты умница, – ответил он на распев и направился к бару за коньком.

Я вспомнил об Анне и подумал, что мне нужно быть осторожней и больше не подпускать эту красотку так близко. Странно, что некоторые молодые девушки могут так просто отдаваться за какие-то подарки. Я не помнил, чтобы Даша была еще такой придирчивой, как за последний год. А ведь она получала от меня большое количество подарков. Отец не давал ей денег, мы жили на мой заработок, и он в основном не реагировал на причуды дочери. Недавно пришло письмо с очередным кредитом, который Даша как всегда взяла без моего ведома. Я распечатал письмо, но так и не ре-

шился взглянуть на счёт, не хотелось быть сердитым и злым. Это того не стоило.

5 лет назад у меня наступали внезапные приступы слёз, которые я прятал от всех, затем были вспышки раздражительности и злобы, которые не возможно было спрятать. Долгие годы угрюмого молчания – и Даша хотела обратиться к психологу, чтобы понять причину моего поведения. Но, когда я занялся садом и стал выращивать цветы, то все как будто прошло. Моя жизнь, наконец, обрела маленький смысл и была полностью в моих руках.

После встречи с Белых я отправился в свой сад, чтобы полюбоваться цветами. Турецкие гвоздики уже показали свои бурые головки, они цвели каждый год, радуя меня новыми бутонами, похожими на гребешки. Дальше, возле кирпичей, аккуратно сложенных в клумбы, росли василисники – мелкие цветы, собранные в бледно-розовые, жёлтые, лиловые и белые соцветия. Как же прекрасно было здесь! Сад моей мечты будто цвёл у меня в душе, распуская там свои прекрасные всех цветов лепестки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.